

**Читайте в серии
ПРЯНАЯ МАГИЯ:**

Майя Ибрагим

Дорога пряности

Море змей

Майя Ибрагим

ДОРОГА ПРЯНОСТИ

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

И15

Maiya Ibrahim

THE SPICE ROAD

Text copyright © 2023 by Maiya Ibrahim

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Иллюстрация на переплете *Саши Рейн*

Ибрагим, Майя.

И15 Дорога пряности / Майя Ибрагим ; [перевод с английского К. Гусаковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-200052-2

Под жарким солнцем пустыни охотятся джинны и гули. А в затерянном среди песков городе воины заваривают чай.

Руководит церемонией Имани, талантливая воительница в рядах Щитов. Её дар — родство с металлом. Её оружие — не знающий промаха кинжал. Её брат — предатель, который воровал мисру, священную пряность её народа.

Тайная магия мисры пробуждает великие дары, а чай наделяет воинов силами. Но желание владеть пряностью ведет к одержимости, и брат Имани пал её жертвой.

Если есть хотя бы малейший шанс, что он выжил, то именно Имани должна стать тем, кто найдет его и заставит понести наказание. В сопровождении других могущественных Щитов она отправляется на поиски. Но солнце пустыни жестоко, как и мир вокруг, а пески горячи, как и девичье сердце...

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-200052-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Джейсону и Солейль

1

Мы сразимся, но сперва выпьем чаю. Не совсем девиз Щитов, но звучит вполне уместно. Обычно я за стенами Калии, с отрядом, защищаю наши земли от нескончаемого потока чудовищ: джиннов, гулей, песчаных змеев и прочих кошмаров, какие только способен породить разум, пойманный в тиски лихорадочного бреда. Но даже сейчас, дома, во время принудительного отдыха, впереди маячит тяжелый тренировочный день — и я уверена, что Таха ибн Байек из рода аль-Баз ждет этого не дожидаясь.

Всякий раз, как мы оказывается в казармах Калии вместе, ребята из отряда Тахи подначивают меня с ним сразиться. Эдакая жалкая попытка выяснить, кто же из нас лучший Щит. Но сам Таха не удостоивал продолжительную вражду словом. В общем-то, все два года, что мы с ним знакомы, он вел себя так, будто меня не существует, если не считать редких ехидных шпилек. Не сомневаюсь, что его отряд примется за свое после чайной церемонии, но я отмахиваюсь от их предложений, ведь это пустая трата времени, и я не намерена передумать, даже когда Таха столь холодно взирает на меня с другого края чайной комнаты. Любой, до кого долетали отголоски его славы —

а кто в Калии о нем не слышал, о талантливом лучнике и зверовидце, способном подчинять разум соколов, — вообразит молодого человека с пристальным взглядом, и эта ошибка простительна. Нет, глаза Тахи пугающе безмятежны, размытая зелень лугов, что знали слишком много солнца и мало дождей.

Этикет чайной церемонии требует наблюдать за тем, кто готовит Пряность, и я жалею, что Таха не может хоть раз нарушить традицию и перестать следить за каждым моим движением. Развязываю шнурок на шелковой мешочке с мисрой, вынимаю длинные ленточки коры. Их аккуратно срезали с древнего дерева, что растет в святилище Калии через несколько построек отсюда, раз за разом, на протяжении тысячи лет. Я множество раз вела чайную церемонию и могу проделать это с закрытыми глазами, но по-прежнему восхищаюсь тем, что происходит у меня в руках. Волшебством.

Свет фонарей над головой отражается в коре с золотыми прожилками, когда я подношу ее к носу и глубоко вдыхаю. Каждый Щит в комнате следует моему примеру. Может, они тоже надеются разгадать аромат мисры. Когда-то казалось, что она пахнет самой жизнью. А бывало, что звездами и грезами. Этим утром она горчит, словно старая зола давно прогоревшего костра. Словно кто-то ушедший, но не забытый. Она напоминает мне об Афире.

С тех пор как я в последний раз видела своего старшего брата и лучшего друга, минул год. Я стояла вот так же, на коленях, и готовила мисру, но дома, и Пряность тогда еще пахла приятно. Брат присоединился, ища беседы, с той легкой, загадочной аурой отчаяния, ему присущей.

— В жизни есть вещи куда важнее долга и правил, Имани, — произнес он.

— Например? — спросила я.

В его глазах мелькнул сумрачный блеск, словно угасающий свет, что отражается от тупого лезвия.

— Истина, — ответил Афир тихо. — Истина превыше всего, она достойна любых жертв. И я ее узрел.

Затем он подождал, но чего — я не знаю. Казалось, лишь это брат и делал последние месяцы перед исчезновением: ждал чего-то. Но я не ответила, и спустя некоторое время он ушел из дома и не вернулся. Я не спрашивала, в чем она заключалась, эта истина. Не хотела знать.

Опускаю кору в каменную ступку, и пальцы дрожат. Сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь, затем беру пестик и растираю мисру. По комнате растекается аромат, он поднимается к потолку, пропитывает ковры. Морщусь нос, в горле першит. Сдерживаю кашель. Командир моего отряда, Сара, стоит на коленях в первом ряду и с наслаждением втягивает запах. Для нее Пряность благоухает, словно саванна после дождя и жасминовые духи ее матери. Не увяданием и несказанными словами. Однажды я спросила свою тетушку Азизу, которая возглавляет Орден магов, почему от человека к человеку и от церемонии к церемонии Пряность пахнет по-разному.

— По той же причине, что чародеям присуща каждому своя склонность: волшебство — это зеркало, — ответила тетушка.

Интересно, что же отражает горечь, ведь в последнее время лишь ее я и чую.

Чай надлежит пить в тишине, предаваясь размышлениям о даре, что преподнес Великий дух, и готовясь принять волшебство. Две дюжины Щитов молчат, но мой разум дерзко болтает, и мне странным образом делается страшно, что все об этом знают, будто мысли вытекают прямо у меня из ушей. Высыпая Пряность в серебряный чайник, я думаю об Афире. Пока заваривается чай, пока остальные

медитируют, я представляю суровую пустыню, где таинственным образом исчез брат. Жертвой какой стихии он пал? Беспощадного солнца, воющих песчаных бурь, морозных ночей? Или, как шепчутся жестокие люди, он лишил себя жизни сам, прежде чем ее успели отнять.

Таха прочищает горло. Я открываю глаза. Все смотрят и ждут. У меня горят уши, под кожаным доспехом растекается жар. Я разливаю чай в маленькие чашки, расставленные в ряд, и обхожу всех по кругу, затем вновь усаживаюсь в центре со своей. Принято дожидаться того, кто ведет церемонию, и потому все следуют примеру, лишь когда я подношу чашку к губам. И тогда мы пьем.

Горячий чай прокатывается по горлу, горький, едкий. Заключение в нем волшебство — древний дар Великого духа Сахира, ниспосланный для защиты нашего народа в обмен на обещание, что мы будем хранить Сахир от чудовищ и чужаков. На время мисра дает испившему способность подчинить одно из подобий той земли, над которой властвует Великий дух. У кого-то это подобие песка или ветра. Мой покойный брат был меняющим личину, он умел превращаться во льва. Мне даровано подобие железа, особенно кинжала, который я всегда ношу с собой. Как долго действует чашка мисры, зависит от чародея — чем он искуснее, тем плодотворнее волшебство.

— Чай пробуждает в тебе подобие, что отзывается твоим природой данным силам, — пояснила тетушка на нашем первом занятии с глазу на глаз. — Представь, будто мисра сродни швее, что берет отрез шелка и кроит лишь для тебя неповторимый, идеальный наряд. Поначалу шелк может показаться не таким уж необыкновенным, однако со временем

превратится в нечто новое, но тем не менее вполне ожидаемое. Так же и подобие, что пробуждает в тебе мисра. И если ты пожелаешь его отточить, придется посвятить его изучению, упражнениям и размышлениям долгие годы.

Когда я выпиваю половину чашки, тишину нарушает короткий стук и распахивается одна из арочных дверей комнаты. На пороге стоит Далила, лучшая подруга моей младшей сестры. Один вид взмокшей кожи цвета красного дерева и ссутуленных плеч сразу выводит меня из равновесия.

— Простите, — выдыхает Далила, оглядывая застывшую в мрачной торжественности комнату.

— Как ты смеешь прерывать нашу церемонию? — вопрошает Таха, поднимаясь.

Далила втягивает голову, цепляясь за медную дверную ручку, будто то может ее спасти.

— Простите. Я просто... Имани, можно с тобой поговорить?

Я быстро проглатываю остаток чая. Таха устремляется к Далиле. Как и его печально известный отец, он впечатляет ростом и мускулами и отнюдь не стесняется ими пользоваться, чтобы запугать того, кто поменьше. Не спасает даже его красота, по крайней мере внешняя, блестящие волосы цвета эбенового дерева, четко очерченная линия челюсти, — и Таха прекрасно об этом знает.

— Тишина во время ритуала чаепития священна, — произносит он безжалостно. — Разве тебе, девчонка, неведома эта простейшая заповедь? Закрой дверь и жди снаружи, как должна была.

— Полегче, Таха. Не нужно ее бранить, — подаю я голос, тоже вставая.

Таха разворачивается, свирепо взирает на меня, задрав точеный нос.

— Правила распространяются на всех в равной степени, включая тебя и твоих друзей. Возмутительно, понимаю.

Его товарищи по отряду переглядываются, ухмыляясь. Остальным Щитам явно так же неловко, как мне. Странно, ведь раньше меня задевало, когда во время уроков Таха делал вид, будто я невидимка, хотя у нас есть кое-что общее, присущее лишь нам. В свои семнадцать я самая юная среди Щитов в новейшей истории, а он в свои восемнадцать — сразу за мной, и у нас обоих есть родственники в Совете аль-Заим, который правит нашим народом. Отец Тахи возглавляет Совет, а моя тетушка — Ведающая мисрой. Что бы кто ни думал о том, как именно отец Тахи получил титул великого заима, мне казалось, будто мальчик из скромного рода, а нынче сын самого могущественного человека в Сахире, захочет общаться с кем-то себе подобным, например со мной. Обида разгорелась еще сильнее, когда наши отряды стали отправляться на задания. Я постоянно слышала рассказы, как Таха героически спасал множество людей, как без шансов на победу одолевал ужасающих чудовищ, и пусть я проделывала то же самое, он ни разу не признал моего существования. А может, все это — благо, которое я не ценила.

— Далила, что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, поворачиваясь к Тахе спиной. — Ты должна быть в школе.

Далила переминается с ноги на ногу:

— Ну да, мы должны, но Амира... она в беде.

Да сколько можно? Я сбилась со счета, в который раз в этом году моя сестра прогуливает занятия, и боюсь момента, когда ее выходы приведут к худшему.

— А когда такое бывало, что родня Имани не попадала в беду, — замечает Фейруз, очередная красавица с подлой душой из отряда Тахи.

Позади меня раздается хор смешков. Разворачиваюсь, окидываю взглядом ухмылки, ищу хотя бы намек на стыд, но с бóльшим успехом отыскала бы вину на лицах воров. Отряд Тахи слишком уж окрылен его положением как старшего сына великого заима, они не боятся попасть в беду из-за насмешек над племянницей члена Совета. К счастью, мой командир не робеет. Сара происходит из гордого, богатого рода торговцев, среди которых встречалось немало знаменитых воинов.

— Небольшой совет, Таха, поскольку для тебя это все еще в новинку: человеку твоего положения не добавляет поощрять гнусность.

Сара подхватывает с пола чайный поднос, будто собирается им ударить Таху. В этом нет необходимости. Судя по кислой мине Тахи, хлесткий ответ будто сам по себе отрастил руку и отвесил ему пощечину. Сара кивает на дверь.

— Имани, я закончу. А ты иди.

Я ей салютую:

— Спасибо. Пожалуйста, передай капитану Рамизу, что я вернусь к тренировке, как только смогу.

— Об этом не беспокойся, — встречает Таха. — Уверен, все заметут под ковер, как ты привыкла.

Сердце замирает. Остальные Щиты хмурятся, некоторые недоуменно переглядываются.

— О чем ты? — спрашивает Сара.

Бросаю на Таху самый убийственный взгляд, который только удастся, в надежде, что он увидит в нем обещание заткнуть ему рот, если уж он сам не способен.

Таха спокойно смотрит в ответ:

— О, пустяки. Правда, Имани?

Поверить не могу. Таха впервые за два года заговорил со мной по существу, и надо же ему было взять и приплести моего брата. Когда Афир исчез, вскры-

лось, что он крал мисру из святилища — явный признак одержимости волшебством. Совет проголосовал и решил сохранить это в тайне, желая уберечь репутацию нашего рода. Раз уж Таха этим так раздражен, сомневаюсь, что его отец доволен вердиктом. Но сейчас не время и не место его обсуждать.

— Да, пустяки, — бормочу я, выпроваживая Далилу, и закрываю за нами дверь. Облегчение, которое я должна была испытать, спасшись от его зловещего присутствия, быстро сменяется страхом. — Что с Амирой?

Далила пускается трусцой по коридору из песчаника.

— Мы выехали верхом за городские стены, а когда остановились передохнуть, ее конь... в смысле, конь вашего брата... он сорвался и сбежал.

От второго неожиданного упоминания Афира за утро у меня щемит в груди.

— Ты про Раада, черного жеребца?

Далила кивает. Мы спускаемся по главной винтовой лестнице, пересекаем полный теней, освещенный фонарями коридор, окутанный смесью ароматов горящих благовоний и чая, который пьют на церемониях наверху. Залитый солнцем четырехугольный двор снаружи заполнен от стены до стены Щитами, толпящимися вокруг тренирующихся сотоварищей, а те, кто старше по званию, с суровыми лицами наблюдают и выкрикивают команды. Волшебство наполняет воздух вместе с пронзительным лязгом мечей — в центре большой группы перед нами Щит выпускает из ладоней огненный шар, но противник сразу гасит накатившее пламя, взметнув целый вихрь.

— Амира выводит его тайком, когда мы едем кататься, — запыхавшись, объясняет Далила, пока я осторожно провожу ее мимо потока раскаленного

воздуха. — Он всегда немного беспокойный, но сегодня все было совсем иначе. Можно подумать, будто сам дьявол сидел в седле и бил его палкой! Когда он помчал в Запретные пустоши...

У меня глаза лезут на лоб.

— Запретные пустоши?!

— Эй, я говорила его отпустить, и о злых существах, которые там живут, твердила, но она и слушать не стала.

— Ну разумеется. — Прикусываю язык, пока не прокляла собственную сестру при других Щитах. После смерти Афира обидные пересуды затянулись на многие месяцы. И мне совсем не нужно, чтобы люди поняли, будто Амира тоже пошла вразнос, и сочли ее достойной темой для разговора.

Подаю знак курящему конюху, чтобы он привел мою лошадь.

— И ты отпустила ее одну? — поворачиваюсь обратно к Далиле.

— Отпустила? Да Амира меня чуть не убила, вытолкнув из седла, когда я отказалась ехать дальше. И лошадь мою украла!

— Пожалуйста, тише. — Сверкаю непринужденной улыбкой в сторону Щитов, что маршируют мимо.

— Извини. Просто... прошу, спаси ее. Амира сама не своя с тех пор... ну, знаешь.

— Знаю.

Конюх, вернувшись, выводит мою серебристую кобылку, Бадр. Ее шкура сияет в лучах утреннего солнца. Я вспрыгиваю в прохладное седло:

— Возвращайся в школу, Далила. Я верну сестру.

Или погибну сама. Я подбираю поводья и выезжаю за казарменные ворота.